

A black and white portrait of an elderly man with glasses, smiling, wearing a dark sweater. He has his hands crossed in front of him, wearing a watch and a ring. In the background, there is a blurred sign that says "Amway".

Просто Рич

Уроки жизни от одного из основателей Amway

Рич DeVos

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

Rich DeVos

Simply Rich

Life and Lessons from the Cofounder
of Amway A Memoir

HOWARD BOOKS

A Division of Simon & Schuster, Inc.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Рич ДеВос

Просто Рич

Уроки жизни от одного из основателей Amway

Перевод с английского Александра Анваера

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2015

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Атмосфера, побуждающая к действию	
Глава первая. Родом из детства.....	13
Глава вторая. Начало делового товарищества длиной в жизнь	35
Глава третья. Делай или ной.....	51
Глава четвертая. Помогая другим, ты помогаешь себе	71
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Торгующая Америка	
Глава пятая. Путь к успеху.....	89
Глава шестая. Вдохновленный людьми.....	101
Глава седьмая. Критики выходят из-за кулис	115
Глава восьмая. Amway расширяется	129
Глава девятая. Выразить себя в словах.....	141
Глава десятая. Магический момент	151
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Делать жизнь ярче	
Глава одиннадцатая. Слава и богатство	161
Глава двенадцатая. Семейные ценности.....	171

Глава тринадцатая. Сила духа	183
Глава четырнадцатая. Город, построенный для людей	189
Глава пятнадцатая. Американский гражданин	199
Глава шестнадцатая. Дела сердечные	209
Глава семнадцатая. Путешествие вокруг света	219
Глава восемнадцатая. Держать свое слово	229
Благодарности	239
Об авторе	241

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АТМОСФЕРА, ПОБУЖДАЮЩАЯ К ДЕЙСТВИЮ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Родом из детства

Дедушкин талант продавца всегда казался мне почти чудом. Будучи мальчишкой, я всегда восхищался своим дедом и другими похожими на него жителями нашего квартала. Жизнь их семей в те трудные времена целиком и полностью зависела от их умения продавать. Дед разъезжал по улицам городка на стареньком чихающем и дребезжащем «Форде-Т» и продавал хозяйкам овощи, ранним утром купленные у окрестных фермеров. Он нередко брал меня с собой. Дед был общительным, компанейским человеком, и хозяйки, бросив готовку или уборку, вытирали руки о передники или полотенца и выходили на крыльцо не только для того, чтобы купить свежие овощи и зелень, но и чтобы просто поболтать с обходительным и остроумным торговцем. Иногда дед позволял мне самому что-нибудь продать. Заработал я не больше пары пенни, но тот опыт сыграл решающую роль в выборе жизненного пути.

Несколько слов о моих корнях. Я рос во время Великой депрессии в маленьком городке Гранд-Рапидс на Среднем Западе, в штате Мичиган. В том, что касалось денег и материальных благ, мы, что называется, едва сводили концы с концами. Но детство свое я вспоминаю как счастливое,

богатое самыми разнообразными переживаниями время. Я рос в дружелюбном окружении, и жизнь была легкой и радостной. Даже необходимость тяжело трудиться и жертвовать самым необходимым закалила меня, сделала сильнее и многому научила. Мне повезло родиться и расти в такой атмосфере. Я воспитывался дома и в домах друзей, на улице, на игровых площадках, в школе и на церковной скамье. На меня влияли родители, бабушки, дедушки, учителя и пасторы. Работать я научился, став продавцом газет. До сих пор вспоминаю вознаграждение за свои первые успехи на этом поприще от деда, который сам всю жизнь торговал вразнос овощами. В школе я научился писать и произносить речи, будучи старостой класса, а христианская вера была привита мне довольно набожными родителями и занятиями в воскресной школе. Меня всегда любили и поддерживали папа и мама. Уверенность в себе и оптимизм я черпал из общения с отцом, который всегда поощрял и подбадривал меня, а думать о себе как о потенциальном лидере я стал под влиянием своего доброго и мудрого школьного учителя.

Гранд-Рапидс, где я родился 4 марта 1926 года, был самым обыкновенным заштатным американским городком. Жажду славы и известности его жители утоляли, называя свой городок «Мебельградом». У нас было несколько компаний, производивших домашнюю мебель. Я помню выпущенную в те годы открытку: «Добро пожаловать в Гранд-Рапидс, мебельную столицу мира!» Вдоль берега реки Гранд, протекавшей через город, стояли кирпичные корпуса мебельных фабрик, на трубах которых красовались названия фирм: Widdicomb, Imperial, American Seating, Baker и другие. По улицам Монро-авеню и Фултон-стрит громыхали трамваи, ездили допотопные автомобили, а по железному мосту через Гранд то и дело проносились чадящие поезда. К востоку от Фултон-стрит находился наш квартал, застроенный двухэтажными домами с тремя спальнями, стоявшими вдоль улицы, обсаженной деревьями. Здесь были семейные магазины; рядом, в лесу, находился кампус колледжа Aquinas, а в самом квартале было полно парков, где мы играли в детстве.

Моя семья, как и многие другие семьи Гранд-Рапидса, имеет голландские корни. У меня в ушах до сих пор звучит сильный голландский акцент, с которым говорили почти все наши соседи — эмигранты в первом поколении. Эти люди вспоминали свою «прешнюю штрану», произносили «дж» как «й», а «с» как «з». («Йонни, нарешь залат».) Голландцы, которые сначала приезжали в городок Холланд в Мичигане, а потом переехавшие в Гранд-Рапидс в поисках работы, были в большинстве своем трудолюбивыми, бережливыми, практичными и твердыми в вере протестантами. Америка привлекала их не столько экономическими выгодами, сколько возможностью стать тем, кем захочешь. До сих пор сохранились письма голландских эмигрантов на родину, в которых они хвастались, что в Америке они могут наслаждаться свободой, невысказанной в Нидерландах того времени. Там если ты родился сыном пекаря, то наверняка и сам будешь пекарем — никакого иного выбора у тебя не было.

Преподобный Альбертус ван Раальте, основавший в середине девятнадцатого века город Холланд (жители которого до сих пор, в праздник тюльпанов, вспоминают свое происхождение, одеваясь в традиционные народные костюмы и обувая деревянные кломпы*), писал на родину, в Нидерланды, что большинство голландцев, ищущих работу в Гранд-Рапидсе, — необразованные люди, не имеющие никакой квалификации. К счастью, многие из них смогли обучиться профессии на мебельных фабриках, став квалифицированными столярами и плотниками, а многие девушки нашли место прислуги в богатых домах. Но были и другие голландцы, которых привел на чужбину столь характерный для этого народа дух предпринимательства. Три крупнейших религиозных издательства в стране были учреждены голландцами — выходцами из Гранд-Рапидса. Именно голландцы основали в городе штаб-квартиру реформатской христианской церкви и учредили кальвинистский колледж. Бисквитная

* Кломпы (klomp) — старинная национальная обувь голландцев: деревянные башмаки с носками, чуть устремленными вверх. *Прим. ред.*

компания Хекмана начала работать именно в Гранд-Рапидсе, а вскоре превратилась в большую Keebler Company. Возможно, вы знакомы с сетью супермаркетов Meijer в штатах Среднего Запада и с международной сетевой компанией Amway. Обе эти компании были основаны в Гранд-Рапидсе американцами голландского происхождения. Так что я многим обязан моим корням: любовью к свободе, приверженностью трудовой этике, предпринимательским духом и твердостью в вере.

Я родился в «ревущие двадцатые», но совершенно не помню то сумасбродное время, когда Америка, казалось, безостановочно мчалась к вечному процветанию. Первые мои воспоминания связаны с периодом, известным как эра Великой депрессии. Когда мне было десять лет, президент Франклин Делано Рузвельт был избран на второй срок и в своем инаугурационном обращении напомнил американцам: он до сих пор видит, что треть народа живет в ветхих домах, плохо одевается и испытывает нехватку средств на пропитание. Четверть американцев — и это в те времена, когда вся семья, как правило, зависела от одного кормильца, — не имела работы. Мой отец, электрик, тоже стал безработным и в течение трех лет перебивался случайными заработками. Мы не могли больше содержать построенный им дом на Хелен-стрит, где я провел чудесные годы раннего детства.

Я родился дома, потому что в те времена очень немногие семьи могли позволить себе роды в больнице. Вторым моим домом стал особнячок на Уоллинвуд-авеню, где натирка полов была нашей почетной обязанностью. Мы очень гордились тем, что у нас паркетный, а не дощатый пол. На втором этаже было три спальни, единственная же ванная комната с туалетом находилась внизу, на первом этаже, как и в большинстве домов того времени в нашем квартале. Когда мой отец — его звали Саймон — потерял работу, нам — отцу, матери Этель, младшей сестре Бернис и мне — пришлось переехать обратно на Хелен-стрит, в верхние комнаты дома бабушки и дедушки. Я хорошо помню, как спал на чердаке, под стропилами. Дом на Уоллинвуд-авеню отец сдал за двадцать пять долларов в месяц. Этот переезд был серьезным испытанием для моих родителей,

мне же он показался веселым приключением — мне страшно нравилось спать на чердаке. А еще мне нравилось проводить время с бабушкой и дедушкой. Много позже благодаря опыту тех лет я смог по достоинству оценить достигнутый успех, который обеспечил мне и моей семье намного более комфортные условия жизни.

В доме на Хелен-стрит мы прожили пять самых тяжелых лет Великой депрессии. Мы были бедны, но не беднее большинства наших соседей. Мы не находили ничего необычного в том, что стриглись у соседа-парикмахера, устроившего салон красоты в собственной спальне. В те времена десять центов считались целым состоянием. Я помню, как к нашему дому однажды пришел подросток, торговавший газетами. Он плакал, потому что, не продав все до последнего экземпляра, не смел вернуться домой. Отцу пришлось честно сказать парню, что у нас самих дома нет ни цента. Но для меня как для мальчишки это было не самое плохое время. В нашей небольшой, но сплоченной общине* я чувствовал себя в полной безопасности. Мы жили в этническом сообществе американских голландцев, и я чувствовал себя его полноправным членом. Восточная окраина города называлась «кирпичным двором», так как там стояли три кирпичных завода — рядом находился глиняный холм, и из добываемой там глины делали кирпичи и черепицу. На этих заводах работали новоприбывшие трудолюбивые голландские иммигранты, большинство из которых не умели говорить по-английски, но нашли приветливых земляков на «кирпичном дворе», так что никаких трудностей с общением новички не испытывали.

Наша община была сплоченной не только из-за общности происхождения и из-за того, что мы жили большими семьями, но и потому, что мы все жили очень близко друг от друга. Дома были высокими и узкими, в большинстве своем двухэтажными и стояли на крошечных участках, разделенных узенькими дорожками, так плотно, что соседи могли

* Община – это самоуправляющаяся организация жителей какой-либо территориальной единицы (село, город и т. д.). В немецкой традиции в этом смысле говорят о населенных пунктах (Gemeinde Fünfhausen); французский аналог – «коммуна» (Парижская коммуна). *Прим. ред.*

одалживать друг другу вещи и деньги, не выходя на улицу, через окно. Кроме бабушки и дедушки, в этом же квартале жили мои двоюродные братья и сестры. Я помню наши семейные обеды за большим столом, помню и товарищей по играм, ожидавших меня во дворе. Сейчас бабушки и дедушки редко живут вместе с детьми и внуками. Я очень бережно храню воспоминания об их любви и мудрости. Бывали, конечно, и ссоры, но я помню любовь, а не распри. Мне кажется, что мы воспитываемся главным образом под влиянием обстановки, окружавшей нас дома в детстве. Позже, став взрослым, имея жену и четверых детей, я, вспоминая, как развивалась моя личность в родительском доме и как влияли на меня родители, впервые в полной мере осознал огромную ответственность, которая легла на мои плечи. То, что казалось легким и естественным в детстве, предстало в совершенно новом свете, когда я наконец понял, каких усилий стоит создать в доме хорошую атмосферу.

В отсутствие телевидения, компьютеров и видеоигр нам приходилось самим заботиться о развлечениях и удовольствиях. Наилучшее время моего детства — это моменты, когда я с сестрами и друзьями придумывал новые игры. Младшая из моих двух сестер, Джен, помнит, что я любил делать разнообразную сливочную помадку. Я даже протянул бечевку с нашей кухни, чтобы передавать помадку в кухню соседнего дома. Я любил спорт, но из-за бедности нашей семьи мне приходилось использовать всю мою изобретательность, чтобы иметь возможность играть. Я сам изготовил кольцо для баскетбольной корзины, а зимой заливал свободный участок перед домом, чтобы нам было где кататься на коньках. Помню эхо от стука целлулоидного шарика о стены и каменный пол подвала, где я учил сестер играть в настольный теннис. Джен до сих пор вспоминает мой закрученный удар левой. Помню и то, как мы с двоюродными братьями играли на улице в бейсбол. Тогда на дорогах почти не было машин. Мяч оказался настолько потрепанным, что нам пришлось обмотать его нитками и набить тряпками — на новый мяч у нас просто не было денег. Игра в бейсбол на улице создавала определенную опасность для соседских окон, и пару раз мы действительно разбивали в них стекла. Помню,

как мы довели до бешенства одну соседку. Должно быть, мы слишком бесцеремонно вторглись на ее участок. Она вылетела из дома с кухонным ножом в руке, крича, чтобы мы убирались прочь.

Самым приятным времяпровождением было прослушивание радиопередач, таких как «Зеленый шершень» и «Одинокий рейнджер». В воскресные дни мы всей семьей собирали пазлы и слушали детективные радиоспектакли. Собрав головоломку, мы меняли ее на другую. Однажды я шел к родственникам, неся пять коробок с пазлами, чтобы обменяться ими. На картонном столе у бабушки и дедушки всегда были разложены пазлы — готовые или еще не собранные. Все домашние, проходя мимо, добавляли какой-нибудь фрагмент, и так до тех пор, пока пазл не был готов. Я любил читать книги, но из-за их дороговизны мне приходилось довольствоваться тем, что уже было на наших книжных полках. Там стояли в основном старые книги; так я прочел «Тома Сойера» и другую классическую литературу. Огромной радостью для меня было получение пенни по субботам. Карманные деньги я тратил исключительно на сладости.

Вспоминая, какие занятия заполняли мое детство, я думаю, что наша бедность была благословением свыше. Из-за нее мне приходилось постоянно что-то изобретать и придумывать, вовлекая в этот процесс и своих друзей. Конечно, это помогло мне развивать творческий подход к жизни, проникаться новыми идеями и научиться общаться. Сегодняшние дети — включая и моих собственных внуков — слишком много внимания уделяют компьютерам и электронным играм, пренебрегая живым общением. Когда я рос, телевизоров еще не было; вечерами родители читали книги или газеты, занимались своими хобби или прогуливались, а дети играли на улице под фонарями. Задолго до появления внутренних двориков и крытых площадок на крышах люди проводили много времени на крыльце, болтая с соседями. До изобретения кондиционеров звуки соседских разговоров и работающего радио из открытых окон далеко разносились вечерним ветерком. В те времена еще можно было услышать цокот копыт лошадей, везущих нагруженные телеги, и пыхтение моторов

«жестянок Лиззи»*. Раздавались крики бродячих торговцев; звенели бидоны молочников, и гремели ящики развозчиков льда. Был слышен шорох угля, сыпавшегося с транспортера в угольные ящики.

Мои родители с раннего детства приучили меня к труду. Моей обязанностью было засыпать в печку уголь утром и вечером. Это нелегкая задача — надо выйти во двор, к дорожке, на которую угольщики сваливали доставленную кучу, потом перенести грязные пыльные куски угля в подвал, вооружиться лопатой и побросать уголь в печь. Работа согревала нас в морозные мичиганские зимы, но в доме всегда было холодно, особенно в сравнении с современными домами. Моя сестра Бернис до сих пор помнит, что по утрам, собираясь в школу, мы толпились у печной заслонки, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Для отопления у нас был уголь, а для охлаждения — лед. Соседи выставляли в окнах листочки бумаги, на которых было написано, сколько льда им нужно. Однажды я ездил по городу вместе с другом, развозившим лед по домам. Мы таскали наверх глыбы льда весом по 25–45 килограммов и запихивали их в холодильники, предварительно передвинув молоко и еду, чтобы освободить место. Каждый холодильник был снабжен поддоном, куда стекал растаявший лед, и нам с сестрой часто приходилось вытирать залитый пол из-за того, что мы забыли вовремя вылить воду из поддона.

По примеру родителей я воспринимал труд как неотъемлемую часть жизни, как залог успешного дома и семьи. Наверное, Бернис всю жизнь помнила, как ненавидела вытирать пыль с перекладин обеденных стульев, но я не помню, чтобы она, будучи маленькой девочкой, когда-либо отказывалась выполнять свои обязанности по дому. В нашей голландско-американской общине по воскресеньям было положено ходить в церковь. Дети же, кроме того, посещали воскресную школу. Посещение

* «Жестянка Лиззи» (Tin Lizzie) — народное название автомобиля «Форд-Т», выпускавшегося компанией Ford Motor миллионными сериями. «Лиззи» — распространенная в США кличка лошади. Название подчеркивало тот факт, что автомобиль для американских фермеров стал заменой лошади в качестве транспортного средства. *Прим. ред.*

церкви не было делом добровольным. Мы все искренне придерживались традиций реформатской кальвинистской голландской церкви и жили согласно набору строгих правил: чтить родителей, откладывать деньги на богоугодные дела, делиться с другими, быть честными, тяжело трудиться и бороться за чистоту помыслов. Мы не приступали к еде без молитвы, а закончив трапезу, читали главу из Библии.

Почти все магазины, лавки и мастерские по воскресеньям были закрыты. Употребление алкоголя по воскресеньям не приветствовалось, а танцы и даже походы в кино считались пустой и вредной тратой времени. В нашей общине большинство жителей придерживалось одного из двух вероисповеданий — реформатской американской церкви, которую учредили голландские иммигранты еще в колониальную эпоху, и христианской реформатской церкви, которая откололась от реформатской американской церкви по причинам, которые сейчас мало кто помнит. Наша семья посещала протестантскую реформатскую церковь, отделившуюся от христианской реформатской церкви. Она была самой строгой из трех церквей. Прихожане ее по воскресеньям, как правило, посещали и утреннюю и вечернюю службы, проходившие в храме из темно-красного кирпича.

Жесткая церковная скамья — мое самое раннее детское воспоминание. Непоседливому мальчишке, любившему спорт и уличные игры с друзьями, нелегко было усидеть на одном месте, слушая длинные молитвы и торжественные проповеди. Когда я повзрослел и начал ездить в церковь на машине с другом, мы нередко забирали бюллетень проповеди и уходили по своим делам, а потом показывали родителям бюллетень в доказательство того, что утром были в церкви. Хотя до зрелого возраста меня вряд ли назвали бы добросовестным прихожанином, я все же понимал, почему вера и церковь так важны и почему к ним так серьезно относились в нашей голландской культуре. Даже в детстве я не сомневался в важности веры. В средней школе я уже отчетливо видел разницу между христианами и теми, кто не был христианином. Я просто чувствовал,

что отношения между христианами отличаются большей теплотой, чувством общей цели и смысла, а также узами, которыми связывала нас вера. Я понял, что всей душой и телом принадлежу именно к христианам.

Мы были детьми и с удовольствием играли и развлекались, но это не отменяло того факта, что на дворе стояли тяжелые времена и мой отец был безработным. Он брался за любую случайную работу, лишь бы поддержать семью на плаву. В будние дни он грузил мешки с мукой у пекаря, а по субботам продавал носки и нижнее белье в магазине мужской одежды. Но при этом он никогда не жаловался на жизнь. Он был оптимистом, верил в силу позитивного мышления и проповедовал его, несмотря на то что его собственная жизнь оказалась не такой успешной, как он надеялся. Он с интересом читал тех же авторов, о которых я нередко говорю сегодня, — Нормана Винсента Пила и Дейла Карнеги, хотя у него было всего восемь классов образования. Он всегда говорил мне: «Ты создан для больших дел. Ты добьешься большего, чем я. Ты пойдешь дальше меня, ты увидишь то, чего я никогда не видел».

Сейчас мне кажется, что отец сильно расстраивался из-за того, что мое детство пришлось на тяжелое время экономического кризиса, но он никогда этого не показывал. Вспоминая, как он, излучая позитив и оптимизм, поддерживал семью, я надеюсь, что тогда, в детстве, сумел каким-то образом выразить ему свое восхищение. Еще больше я надеюсь, что смог стать подобным образцом для моих детей. Не стоит пытаться жить жизнью детей и внуков, но я и сейчас изо всех сил стараюсь помочь им реализовать их потенциал, чтобы их жизнь была успешной и полноценной. Теперь я очень хорошо понимаю, что отец хотел того же для меня.

Потеряв работу, отец настраивал меня на то, чтобы открыть свое дело. Он понял, что не может по собственной воле перестать быть безработным — это не зависело от него. Его судьба целиком и полностью находилась в руках работодателей. Более того, он убедил меня, что в основании собственного бизнеса нет ничего фантастического. Он всегда учил меня верить в неограниченные возможности, которые открывает

стремление и усилия. Каждый раз, когда я говорил ему: «Я не смогу», он отвечал: «Нет такого выражения *не смогу*». Он всегда учил меня, что, произнося «не могу», человек заранее расписывается в собственном бессилии и признаёт свое поражение, даже не вступив в схватку. Напротив, «я могу» — это выражение уверенности и силы. Отец всегда напоминал мне: «Ты сможешь это сделать!» Я запомнил эти слова, и они сопровождают меня всю жизнь.

Наверное, из-за того что я был старшим ребенком и единственным сыном, отец очень баловал меня своим вниманием, играл со мной, читал мне книги и старался увлечь своими хобби. Он оказал на меня такое большое влияние, что оно продолжает сказываться до сих пор. Он любил «слоняться» без определенной цели, как мы тогда говорили. Я помню, как он расхаживал по подвалу, думая, что надо починить в первую очередь. Он был в каком-то смысле провидцем и искателем приключений, любил все неизведанное, обожал новые идеи и мечтал побывать во многих интересных местах. Путешествия были дороги для нас, и он мог рассматривать экзотические места только на географических картах, но я помню, как однажды мы всей семьей сели в наш единственный автомобиль и поехали в Йеллоустонский национальный парк. О, эта поездка стала для нас настоящим приключением.

Папа опередил свое время, проявив большой интерес к правильному питанию. Он говорил об экологически чистых овощах до того, как большинство людей узнало, что это такое. Отец всячески пропагандировал здоровое питание, говорил о его пользе и следил, чтобы у нас за столом всегда был только цельнозерновой хлеб (который мои сестры ненавидели всеми фибрами души). Мнение отца и его практические советы относительно здорового питания, несомненно, оказали на меня большое влияние, ибо я вскоре стал распространителем продукции Nutrilite вместе с моим будущим партнером Джеем Ван Анделом.

Мать тоже оказала благотворное влияние на мою жизнь. Она не работала и всегда была дома с детьми. В отличие от отца, мама признавалась,

что не была такой позитивной в те годы. Но она тем не менее считалась стабилизирующей силой и умело вела хозяйство. В доме всегда был порядок, а на столе — еда. Мать отличалась практичностью и умела экономить, это помогло нам выжить в то нелегкое голодное время. Она была теплой любящей женщиной, всегда готовой поддержать и помочь. Это она научила меня делать сливочную помадку. Мать внушила мне уважение к труду, всегда говорила, что у детей должны быть свои обязанности по дому, например накрывать стол или убирать его после еды. Я, как правило, вытирал посуду, которую мыла мама. Это вошло в обычай, и мы, работая, много говорили — это было теплое близкое общение, его так не хватает в наши дни. Мама умела выжимать максимум из того немногого, что у нас было. Каждый год она, например, переставляла мебель. Мы не могли позволить себе купить другую, но перестановка освежала дом, и нам казалось, что в нем появилось что-то новое. Мама сильно повлияла на мое отношение к деньгам. Она подарила мне копилку — жестяную банку, куда я складывал деньги, заработанные мной помощью соседям по хозяйству. В конце каждого месяца мама открывала ее и клала скопленные деньги на мой банковский счет.

В те суровые времена надо было зарабатывать, и я начал доставлять газеты. Это занятие, как я теперь понимаю, стало моим первым бизнесом. Доставка «Гранд-Рапидс Пресс» научила меня ответственности, добросовестности и всем принципам выплаты вознаграждения за тяжелую работу. Каждый день возле нашего дома оставляли кипу газет для разносчиков нашего района. Я подсчитывал количество нужных мне экземпляров. Газеты я складывал и запихивал в холщовую сумку, висевшую у меня на плече, и вместе с другими разносчиками пускался в путь. У меня было от тридцати до сорока клиентов, и я научился хорошо их обслуживать. Несколько месяцев я ходил по домам пешком, а потом на отложенные деньги купил себе велосипед — старый черный «Швинн». Я хорошо помню охвативший меня трепет после этой покупки, сделанной на сэкономленные для этой цели и, самое главное, заработанные мною самим

деньги. Это был урок, который я сохранил в памяти на всю оставшуюся жизнь — урок вознаграждения за труд. Работать стало легче, и газеты я теперь доставлял быстрее. Усовершенствовал я и свою технику. Проезжая мимо нужного дома, я, не слезая с велосипеда, бросал газету так, чтобы она упала точно на крыльцо. Если она попадала в кусты, то мне приходилось останавливаться, подбирать газету и класть ее на крыльцо. Моя безупречная служба окупалась каждое Рождество, когда довольные клиенты платили мне сверху по двадцать пять — пятьдесят центов, а иногда расщедривались и на целый доллар.

Каждым субботним утром я объезжал все дома и собирал деньги за подписку. После оплаты я выдавал клиенту карточку, которую он вешал на гвоздь, вбитый возле двери. Это первое деловое предприятие научило меня основам — я понял, что надо не сидеть сиднем, а заниматься делом, я научился хорошо относиться к клиентам и успешно с ними работать, научился считать деньги и давать сдачу. Работа подарила мне неведомое прежде ощущение свободы и самостоятельности, не говоря уже о том, что она позволяла мне иметь пусть и небольшие, но деньги. Я доставлял газеты в несколько богатых по нашим меркам домов, но никогда не чувствовал себя «неимущим» в мире «имущих», не завидовал этим клиентам и не злился на них. Я видел, что они живут лучше, чем наша семья, но говорил себе, что и у меня когда-нибудь будет то, что есть у них сейчас. Я верил, что тяжким и упорным трудом сумею заработать на лучшую жизнь.

Еще один ключ от мира бизнеса я получил от одного из моих дедов, который дал мне ощутить трепет от первой самостоятельной продажи. Мой дед ДеВос был владельцем небольшой бакалейной лавки, где продавались, кроме продуктов, ткани, предметы для рукоделия, домашняя утварь и одежда, которую он подбирал для покупателей по каталогу. У входа в лавку стоял прилавок, с которого торговали копеечными сладостями. Магазин находился прямо напротив школьной спортплощадки, и я хорошо помню, как наши ребята бегали к этому прилавку и долго

разглядывали лежащие под стеклом пестрые конфетки, стараясь купить их побольше на один-два цента, которыми они располагали.

Дед жил на втором этаже, поэтому если он отсутствовал в лавке и, например, обедал или занимался чем-то дома, то всегда слышал, что кто-то вошел, потому что в этот момент неизменно звякал дверной колокольчик. Если покупатель застал деда за молитвой, то он кричал: «Одну минутку!» — заканчивал молитву и спускался к покупателю. У деда была еще лошадь с коляской, разъезжая на которой он собирал и развозил заказы. Отец моей матери, дедушка Деккер, был «хакстером» — этим словом в Голландии в старину обозначали торговцев вразнос. Каждый день он на своем подержанном «Форде» отправлялся на фермерский рынок, покупал там овощи, а потом развозил их по домам нашего квартала. Он подъезжал к дому, звонил в дверь или жал на клаксон и кричал: «Картошка, помидоры, лучок, морковка...» Хозяйки выходили на крыльцо и покупали свежие овощи.

Первой моей самостоятельной сделкой была продажа мешка лука, оставшегося у деда после объезда домов, но это было только начало. После того случая, каждый раз, когда у дедушки оставались овощи, я их продавал. Это требовало умения и настойчивости, но мне нравилось мое новое поприще. Уроки работы разносчиком газет и помощь родителям по хозяйству не пропали даром; они с младых ногтей заложили во мне добросовестное отношение к труду, внушили чувство ответственности, научили подмечать детали и угождать клиентам. Когда мне исполнилось четырнадцать, я получил работу на бензоколонке. В те годы водители полагались на маленькие, расположенные поблизости от дома заправки, которыми владели, как правило, соседи. Они же выступали по совместительству автомеханиками. В большинстве этих заправок было два шланга и один бокс для ремонта машин. Многие рабочие бензоколонок носили форму и фуражки, как полицейские, и рубашку с галстуком-бабочкой. Помимо заправок автомобилей, на бензоколонках мыли ветровые стекла,

проверяли уровень воды и масла и осуществляли мелкий ремонт. Я попробовал на бензоколонке все.

По субботам я работал полный день — мыл машины. Мойек и отапливаемых гаражей тогда не было, поэтому зимой владельцы машин предпочитали мыть их на бензоколонках. Помывка машины стоила доллар, из которого я получал пятьдесят центов — даже зимой. Каждое утро в субботу я одевался потеплее и мыл столько машин, сколько мог. Тогда в округе было много немощеных дорог, и на машинах налипало немало грязи, особенно вокруг ветрового стекла и двери. Я тщательно отмывал грязь и заслужил репутацию добросовестного и старательного мойщика. Кое-чему я научился у отца, а еще помогал хозяину бензоколонки, подавая ему во время ремонта детали и выполняя простой ремонт — например, замену генератора. Я был таким надежным работником, что хозяин оставлял на меня бензоколонку, когда отлучался из города, — а ведь мне в ту пору, напомним, было всего четырнадцать. Это доверие возвышало меня в собственных глазах, вселяло уверенность в своих силах. Так еще в юном возрасте я понял, что значит отвечать за серьезное дело, и это был еще один важный и полезный опыт.

Я был еще подростком, когда стал после уроков подрабатывать в магазине мужской одежды. Я выполнял взрослую работу, но мне хотелось все же попробовать себя в более сложном деле, и я убедился, что умею очень хорошо продавать. Конечно, мне больше хотелось гонять мяч после школы, как делали большинство моих сверстников, но я понимал, что мне нужны деньги, чтобы помогать семье оплачивать квартиру. Все члены семьи вносили свою лепту в оплату жилья и продуктов, так было принято. Однажды школьный тренер по бейсболу сказал мне: «Я вижу, ты левша. Не хочешь поиграть у меня?» Я ответил: «Да, я хочу, но не могу. Каждый день после уроков я работаю, поэтому мне будет некогда тренироваться».

Жизнь буквально перевернулась в один необычно теплый воскресный день в начале декабря 1941 года. Я ехал на своем черном велосипеде, когда меня окликнул знакомый парень с нашей улицы.

— Ты слышал новость?

— Какую новость? — спросил я.

— Мы вступили в войну! — воскликнул он. — Японцы бомбили Перл-Харбор!

Вот так 7 декабря 1941 я года узнал о начале войны. Естественно, с того дня мы регулярно слушали радио и искали в газетах новости с войны, а новости эти поступали каждый день. Лоуэлл Томас прославился как талантливый репортер — он каждый вечер выступал по радио с пятнадцатиминутными военными сводками, а также комментировал кинохронику, которую показывали в кинотеатре. Я никогда не забуду мелодичный проникновенный голос Томаса. Каждому сюжету он придавал нечто романтическое и волнующее. Слух ласкали названия дальних мест, о которых не слышал до этого ни один американец. Вторая мировая война создала новые трудности в добавление к тем, которые были вызваны Великой депрессией. После сорок первого года перестали производить новые легковые автомобили, и обветшавшие машины было нечем заменить. Стала ощущаться нехватка многих материалов — от бумаги и резины до металла и продовольствия, — так как все это направлялось на военные нужды. В школе мы разводили огороды Победы, урожай с которых направлялся в армию; на продовольствие и бензин были введены карточки. Люди стали консервировать овощи, выращенные на собственных огородах. Я помню, как помогал матери закатывать в стеклянные банки помидоры, огурцы и другие овощи, а потом расставлял эти банки по полкам в погребе. Первое военное горе случилось в доме жившего по соседству врача — его сын, стрелок морской пехоты, погиб за океаном.

Я перешел в следующий класс и оказался уже в средней школе. Это был следующий поворотный пункт в моей жизни. Когда мне стукнуло пятнадцать, родители отдали меня в маленькую христианскую школу нашего города. Подобно большинству подростков, я не понимал, что частная школа стоит денег и моим родителям приходится многим жертвовать

ради моего обучения. Я валял дурака, ухаживал за девушками и не обращал внимания на домашние задания и оценки. Каким-то образом мне удалось не завалить ни одного экзамена в первый год обучения. Преподавательница латыни, впрочем, поставила мне положительную оценку только для того, чтобы не оставлять меня на второй год и не увидеть меня снова в своем классе. В конце учебного года отец сказал: «Я не собираюсь оплачивать твое безделье в частной школе. Валять дурака ты можешь и в муниципальной, это не будет стоить мне ни цента».

Так на следующий год я попал в техническое училище Дэвиса и стал учиться на электрика. Там мне сказали, что я не пригоден для дальнейшего обучения в колледже, и я почувствовал себя совершенно несчастным. Это был звонок, который разбудил меня. Я понял, что своим бездельем едва не испортил себе жизнь. Я сказал отцу, что хочу вернуться в частную христианскую школу. Он поинтересовался: «Кто будет за нее платить?» Я сказал, что буду оплачивать обучение сам.

Второй раз попав в среднюю христианскую школу Гранд-Рапидса, я стал учиться существенно лучше. Я понял, что человек ценит то, что заработал сам, а не то, что достается ему даром, а также то, что любое решение имеет свои последствия. Мое решение бездельничать имело негативные последствия, а мое решение вернуться в христианскую школу имело последствия позитивные, и именно они определили дальнейшее течение моей жизни. В этой школе я впервые начал оттачивать лидерские качества, которые способствовали успеху в бизнесе. Необходимость работать мешала мне заниматься спортом, но я нашел выход. У нашей школьной баскетбольной команды не было организованных болельщиков, и я решил создать такую организацию. Я становился на краю площадки и принимался поддерживать нашу команду возгласами, а потом проходил колесом вокруг игрового поля, заводя остальных болельщиков. В то время я начал носить одежду из магазина, где работал, и на некоторых играх появлялся в костюме и галстук. Однажды швы костюма не выдержали моих упражнений, и, когда я начал делать колесо, брюки

лопнули. Я покраснел как рак и, пятясь, покинул зал. Однако это происшествие не остудило мой пыл.

Мне нравилось заводить толпу и команду. Стремление организовать группы поддержки осталось со мной на всю жизнь. Я и сейчас называю себя «чирлидером», потому что до сих пор стараюсь внушить людям уверенность в своих силах, помочь им использовать все их таланты ради исполнения мечты. Это стало одним из важнейших факторов моего успеха и успеха многих других людей. К сожалению, мои результаты в учебе были куда скромнее достижений на игровой площадке. Желание завести людей, зажечь их, стремление иметь много друзей и общаться с ними увлекали меня намного больше, чем сидение за уроками. Оценки мои стали лучше, но их нельзя назвать блестящими. Главное — у меня не было четко поставленной цели. Где-то в закоулках моего сознания теплилась надежда, что когда-нибудь я стану успешным, процветающим бизнесменом, но я весьма смутно себе представлял, когда и как это произойдет. Я не помню, как мое имя попало в список претендентов, но факт остается фактом — в старшем классе я принял участие в выборах старосты класса. Я отсутствовал в школе целый год и думал, что меня уже давно забыли, но, вероятно, общительность и подвиги на баскетбольной площадке повысили мою популярность. За меня голосовали даже некоторые учителя. Однажды наш учитель на несколько минут вышел из класса, потом вернулся и сказал: «Ты выиграл! Мне так хотелось, чтобы ты победил, что я специально ходил узнать результаты голосования».

Как староста класса, я должен был выступить перед публикой в день выпуска. Америка только что пережила Великую депрессию, а теперь сражалась против нацистов и японцев во Второй мировой войне, чтобы сохранить и защитить американский образ жизни. Мне предстояло обратиться к аудитории в несколько тысяч человек и говорить о величии Америки и ее возможностях, превосходящих возможности других стран мира. Даже тогда, в столь юном возрасте, я был преисполнен надежды и оптимизма. В торжественной речи я сосредоточился на мощи нашей

страны и оптимистическом взгляде на ее будущее. Речь я озаглавил: «Что сулит нашему классу 1944 год?» С помощью отца я отрепетировал выступление перед зеркалом. Отец давал мне дельные советы относительно дикции и жестов; подсказывал, где сделать паузу и какие слова подчеркнуть. Я изо всех сил готовился, надеясь вдохновить одноклассников, которым, подобно мне, предстояло скоро вступить в новую жизнь. Многим было суждено отправиться на поля сражений, драться за свободу в Европе и на Тихом океане. Речь я произнес в здании реформатской христианской церкви в центре Гранд-Рапидса. Не помню, нервничал ли я, но хорошо помню, что имел большой успех — люди аплодировали мне стоя. После речи одна из присутствовавших на церемонии матерей сказала мне: «Ты говорил лучше, чем пастор!» Это была наивысшая похвала в нашей христианской общине, где единственными ораторами были священники, выступавшие с воскресными проповедями.

Произошло в мои школьные годы и еще одно событие, которому было суждено навсегда изменить мою жизнь и отношение к самому себе. Перед выпуском наш тихий и добрый учитель закона Божьего, доктор Леонард Гринуэй, написал поразительную строчку в моем дневнике — простую, но так много значившую для меня: «Чистому душой юноше, наделенному талантом вести за собой людей». Эта строчка стала источником воодушевления для молодого человека, который не блистал в учебе и считался непригодным для дальнейшего обучения в колледже. Но учитель, которого я боготворил, разглядел во мне лидера! Вот как! Я никогда прежде не считал себя прирожденным лидером. Несколько лет спустя я снова встретился с доктором Гринуэем на вечере выпускников, где я был ведущим. В присутствии моих однокашников я спросил, помнит ли он, что написал в моем дневнике. Доктор Гринуэй встал и слово в слово повторил то предложение. Я был тронут до глубины души. Он распознал во мне то, о чем я сам тогда даже не догадывался. Богослов и учитель, он был достаточно мудр для того, чтобы понимать, что сделанное вовремя поощрение может определить судьбу молодого человека. До сего дня

я помню доброту доктора Гринуэя и в память о нем сам всегда стараюсь ободрять других.

У меня была благословенная судьба — я рос и воспитывался в правильной атмосфере. Я пользовался любовью и вниманием членов дружной и сплоченной семьи, у меня перед глазами было позитивное отношение отца к жизни и торговый опыт моих дедушек. Я унаследовал от них лучшие черты голландского народа: веру, бережливость, практичность, трудовую этику, любовь к свободе и умение видеть открывающиеся возможности. Мои таланты я отточил, будучи старостой класса. Моя вера мужала в церкви и в христианской школе. Я научился ценить вознаграждение за труд, когда продавал газеты и перебивался случайными заработками, чтобы оплатить учебу. Даже в тяжкие времена Великой депрессии я был окружен упорными людьми, никогда не терявшими надежду на будущее. Меня направляли и поощряли добрые учителя. Я же всегда стремился поддерживать других, вселять в них оптимизм, чем продолжаю заниматься и сегодня, на склоне лет.

Уже после того, как я стал признанным оратором, одной из ключевых моих речей была речь о трех китах, на которых стоит личность человека: действие, отношения и атмосфера. Очень многие люди не могут действовать, ибо их парализуют страхи и сомнения. Но без действия мы никогда ничего не добьемся. Наши действия — результат позитивного отношения. Позитивные же отношения возникают тогда, когда мы находимся в правильной атмосфере или попадаем в нее по собственной воле. Мою атмосферу создавали любящая, сплоченная семья и религиозная община, члены которой, невзирая на тяготы Великой депрессии, благодаря искренней вере смогли сохранить веру и надежду на лучшее завтра. В своем общении с детьми, с игроками клуба Orlando Magic, с дистрибьюторами Amway я снова и снова говорю о необходимости создания атмосферы. Если вы окружены негативно настроенными друзьями, покиньте их и найдите себе позитивное общество. Избегайте мест и ситуаций, провоцирующих негативное поведение. Если ядовитая атмосфера

поразила место вашего проживания или работы, бегите оттуда, куда глаза глядят. Ищите друзей, партнеров по бизнесу и наставников с позитивным отношением к жизни, то есть людей, которые разделяют ваши цели и интересы.

Позитивная атмосфера питает позитивное отношение, необходимое для того, чтобы предпринимать позитивные действия. Благодаря атмосфере, в которой я рос и воспитывался, в мои паруса уже в христианской школе дул попутный ветер, и я был уверен, что в один прекрасный день я достигну поставленных целей. Однако, как ни важен опыт моей школьной жизни для формирования будущего, главную роль в становлении моей личности сыграл один человек, с которым я познакомился до окончания школы. Он изменил мою жизнь так, как я не мог себе представить даже в самых смелых мечтах. Все началось с поездок в школу.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks